

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-255-287
УДК 811.13

Научная статья

ИЗОБРЕТЕНИЕ «РИМСКОГО», ВООБРАЖЕНИЕ «ВАРВАРСКОГО»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМА В ПОЗДНИХ ТЕКСТАХ ОВИДИЯ

М.В. Кирчанов

Цель. Автор в представленной статье рассматривает поздние тексты Овидия, представленные «Tristia» и «Epistulae ex Ponto». Цель исследования – анализ того, как тексты отражают процессы формирования имперской политической культуры и идентичности.

Новизна исследования. Новизна исследования состоит в анализе поздних текстов Овидия не как литературных, но как политических нарративов, которые содействовали трансформации римской идентичности, содействуя актуализации концептов Самости и Инаковости через призму формирующихся имперских нарративов.

Материалы и методы. Методологически статья основана на принципах междисциплинарности, предложенных в рамках исследований национализма, интеллектуальной и культуральной истории, трансплантируемых в контексты литературной истории Рима I в. н.э.

Результаты. В статье проанализированы 1) попытки Овидия сформировать идеальный и позитивный образ власти, 2) вклад Овидия в развитие римских представлений о варварах, 3) особенности географического восприятия Овидием формирования римской территории как имперского гетерогенного простран-

ства. Показан вклад поздние текстов Овидия, представленных «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» и написанных в ссылке, в формирование политической имперской культуры и идентичности. Результаты исследования позволяют предположить, что 1) Овидий стал одним из первых римских авторов, которые текстуализировали трансформации политической власти, внося вклад в генезис культу императорской власти как элемента политической культуры; 2) в формировании и воображении образов варваров Овидий продолжал более ранние тенденции иерархизации и идеализации обитателей периферийных провинций; 3) поздние тексты Овидия, написанные в ссылке, стали вкладом в развитие культурной географии формирующейся Римской империи, основанной на глорификации и позитивной идеализации Италии через призму ее противопоставления провинциям.

Ключевые слова: Овидий; «Tristia»; «Epistulae ex Ponto»; Рим; римская идентичность; политическая власть; варвары; политическое воображение

Для цитирования. Курчанов М.В. Изобретение «римского», воображение «варварского»: конструирование имперской идентичности Рима в поздних текстах Овидия // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 2. С. 255-287. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-255-287

Original article

INVENTION OF “ROMAN”, IMAGINATION OF “BARBARIAN”: THE CONSTRUCTION OF THE IMPERIAL IDENTITY OF ROME IN THE LATER TEXTS OF OVID

M.W. Kyrchanoff

Purpose. The author in the presented article considers the late texts of Ovid, presented by Tristia and Epistulae ex Ponto. The purpose of the

article is to analyze how the texts reflect the processes of formation of the imperial political culture and identity.

Research novelty. The novelty of the study lies in the analysis of the late texts of Ovid not as literary, but as political narratives that inspired the transformation of Roman identity, contributing to the actualization of the concepts of Self and Otherness.

Materials and methods. Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinarity proposed in the framework of studies of nationalism, intellectual and cultural history, transplanted into the contexts of the literary history of Rome in the 1st century AD.

Results. The article analyzes 1) Ovid's attempts to form an ideal and positive image of power; 2) Ovid's contribution to the development of Roman ideas about barbarians; 3) peculiarities of Ovid's geographical perception of the formation of Roman territory as an imperial heterogeneous space. The contribution of the later texts of Ovid, represented by *Tristia* and *Epistulae ex Ponto* and written in exile, to the formation of political imperial culture and identity is shown. The results of the study suggest that 1) Ovid was one of the first Roman authors who textualized the transformations of political power, contributing to the genesis of the cult of imperial power as an element of political culture; 2) in the formation and imagination of the images of the barbarians, Ovid continued the earlier tendencies of hierarchization and idealization of the inhabitants of the peripheral provinces; 3) the later texts of Ovid, written in exile, became a contribution to the development of the cultural geography of the emerging Roman Empire, based on the glorification and positive idealization of Italy through the prism of its opposition to the provinces.

Keywords: Ovid; *Tristia*; *Epistulae ex Ponto*; Rome; Roman identity; political power; barbarians; political imagination

For citation. Kyrchanoff M.W. Invention of "Roman", Imagination of "Barbarian": the Construction of the Imperial Identity of Rome in the Later Texts of Ovid. *Sovremennyye issledovaniya socialnykh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 255-287. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-255-287

Введение

В конце I века до н.э. и на протяжении I в. н.э. древнеримское общество переживало трансформации, связанные с изменением государственности в направлении формирования империи, чему содействовал целый ряд факторов. Среди стимулов, которые содействовали генезису новой государственной модели, особое место занимали военные завоевания Рима, которые не только увеличивали территорию, но и автоматически актуализировали такое качество римской территориально-административной структуры и демографии как гетерогенность. Формировавшаяся в I в. н.э. Римская империя представляла собой особый тип имперской государственности древности, что не позволяет проецировать на историю ее политических и социальных институтов качества империй нового времени, когда национализм стал идеологической универсалией. Тем не менее, анализируя историю римской государственности I в. н.э., не следует сводить исторический процесс исключительно к социально-экономической и событийной компоненте, что имело место в более ранней историографии. Процессы трансформации Рима в государство-империю сопровождались радикальными изменениями на уровне идентичности и ее производных, представленных литературой в частности и культурой в целом.

Цель и задачи

Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье – проблемы отражения и восприятия формирующейся имперской идентичности в текстах Овидия, написанных им в ссылке. Целью статьи является анализ «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» как источников, фиксирующих формирование имперской политической культуры и идентичности в их ранних версиях. В число задач автора входит 1) анализ методологических оснований восприятия истории Рима через призму междисциплинарных штудий в рамках имперской истории как обоснование не литературоведческой, но политической и интеллектуальной интерпретации наследия позднего Овидия, 2) изучение восприятия Рима как ядра формирую-

щейся империи в текстах Овидия, написанных им в изгнании, 3) выявление элементов имперской идентичности в поздних текстах Овидия путем деконструкции наррации поэта не как части литературной традиции, но политического метатекста, 4) рассмотрение варварских нарративов, которые играли вспомогательную роль в актуализации и визуализации именно имперской природы государственности как объекта глорификации и предмета конструирования в текстах Овидия позднего периода его деятельности.

Культурное пространство как основа политических трансформаций

Культура римского общества не могла не реагировать на перемены, которые актуализировали новые качества литературы и производимых в ее рамках текстов. Последние актуализировали свои не только внешние формальные, литературные и стилистические, качества, но и становились пространством конструирования политических нарративов. Поэтому тексты в римском обществе фактически начинают играть роль генерации политических смыслов, связанных, в том числе, и идентичностью, которая в рамках трансформации, социальной и политической мутации республики в империю, начинает играть новые роли, воспроизводя содержательно иные версии идентичности. Последние в значительной степени создавались благодаря интеллектуальной активности образованного слоя, представители которого выступали в качестве создателей новых изобретенных политических традиций, призванных легитимировать имперскую модель политического и культурного развития. Анализируя эти процессы в перспективе римской истории, во внимание следует принимать, что они не были уникальны. Механизмы интеллектуального конструирования политических и культурных идентичностей имперского типа позднее неоднократно использовались в империях нового времени, что получило значительное изучение как в российской, так и зарубежной историографии, где неоднократно подчеркивалось, что именно литературные тексты играли роль того пространства, в рамках которого не только

конструировались образы империи, но и формировалась сама имперская идентичность [26]. Вместе с тем все имперские атрибуты и характеристики, связанные с генезисом, развитием и трансформацией идентичностей – социальных, политических, культурных, этнических и религиозных – ограничивались имперскими экспериментами, имевшими место в XVIII или XIX вв., хотя сама механизм генезиса, поддержания и воспроизводства имперских моделей развития идентичности был выработан в рамках общества Римской империи. Последняя через призму междисциплинарной имперской истории изучалась в меньшей степени, чем империи нового времени несмотря на то, что культурная и литературная история Рима в состоянии обеспечить историков многочисленными источниками, анализ которых позволяет деконструировать более ранние преимущественно социальные и экономические интерпретации, что позволит воспринимать историю трансформации республики в империю через призму эпистемологии, применяемой для изучения европейских империй XIX в. Изучение последних становится чрезвычайно продуктивным в случае обращения к текстам как нарративным конструкциям, авторы которых могли фиксировать процессы социальной и политической мутации, в результате которой общество становилось империей. Процессы формирования имперских идентичностей в Европе достаточно детально описаны в историографии, сфокусированной на политической роли литературной наррации как пространства генерации новых смыслов, связанных с развитием идентичности. Несмотря на явные успехи междисциплинарной «имперской истории», в рамках которой были выработаны эпистемологические принципы и описательные языки империй, в значительной степени претендующие на универсальность, эти подходы в российской историографии практически не трансплантировались в иные хронологические контексты, не применяясь, например, для изучения истории формирования политических и культурных основ идентичности Римской империи. Последнее свидетельствует о значительном консерватизме, который характерен для российского сообщества историков-антиковедов,

склонных применять методологические модели, унаследованные от предшествующего поколения исследователей и, как результат, практически не пересекающиеся с современными и актуальными трендами междисциплинарной историографии.

Методология

Ряд методологических поворотов в гуманитарных науках, включая имагинативный, инвенционистский, перформативный и визуальный позволили историкам иначе взглянуть, в том числе, и на проблемы истории ранней имперской модели Рима. Поэтому империя перестала восприниматься только через призму событийности или исключительно в рамках социально-экономической истории. Наличие обширного источникового корпуса, представленного как нарративными, так и визуальными источниками позволяет анализировать историю Римской империи через призму интеллектуальной истории, культуральной истории, истории ментальностей, истории и археологии идей, что существенно расширяет интерпретационные возможности современной историографии, основанной на восприятии текстов в рамках семиотики, конструкции и деконструкции содержащихся в них или приписываемых им смыслов. Ревизия более ранних восприятий в форме отказа от преимущественно политической или социально-экономической интерпретации нарративных источников, с одной стороны, может оказаться чрезвычайно продуктивной и перспективной формой историонаписания и историоописания в рамках анализа феномена «империя» и ее производных в древнеримских контекстах. С другой, пересмотр более ранних преимущественно социально, политически и экономически маркированных интерпретаций источников может существенно расширить диапазон возможных объяснений, если мы будем конструировать и деконструировать смыслы, содержащиеся в нарративных источниках, не только через выявление политических и социально-экономических реалий, но анализировать их через призму подходов, предложенных в рамках изучения феномена имперских государственных. Имперская идентичность в ее римской версии

может быть прочитана, конструирован и деконструирована посредством использования двух концепций, предложенных в англо-американской историографии последней четверти XX в. Первая концепция известна как «воображение сообществ» [17], а вторая как «изобретение традиций» [38]. Эти подходы были предложены в первой половине 1980-х гг. Б. Андерсон, Э. Хобсбаумом и Т. Рэйнджером. В рамках изобретения традиций следует интерпретировать восприятие Рима как идеализированного, идеализируемого и привлекательного политического и культурного сообщества, наделяемого характеристиками и качествами центра мира.

Ревизионизм и антиковедение

Применение такого подхода раскрывает новые интерпретационные уровни в тех источниках, подробно и детально изученных и описанных в историографии. Среди источников, которые могут быть подвергнуты такой ревизионистской деконструкции, направленной на выявление смыслов, ранее игнорируемых историками, работавшими в рамках позитивистской или марксистской интерпретационной модели, особое место занимают два текста Публия Овидия Назона (43 г. до н.э. – 17 / 18 г. н.э.), «Tristia» («Тристии» или «Скорбные элегии») и «Epistulae ex Ponto» («Письма с Понта»), относящиеся к позднему периоду его деятельности. Эти тексты в историографии изучены в меньшей степени, чем другие произведения поэта.

Более того, как подчеркивал М. Гаспаров, «у филологов прошлого эти сочинения всегда были не в чести. Они считались хуже его более ранних любовных стихов» [4, с. 202]. Кроме этого, в российской и зарубежной историографии эти тексты традиционно интерпретируются преимущественно как памятники литературы, а восприятие в их рамках формирования имперской модели и связанной с ней идентичности, как правило, остается за пределами внимания исследователей. Оценки 1970-х гг. и более раннего времени на современном этапе развития антиковедения выглядят чрезмерно категорично и кажутся устаревшими.

Прогресс науки об античности, основанной на принципах междисциплинарности, достижения интеллектуальной и культуральной истории, исследований идентичности позволяет взглянуть по поздние тексты Овидия под иным углом зрения. Вероятно, именно поэтому американский историк Т. Зиолковски полагает, что «в отличие от любого деятеля классической античности... Овидий... занял видное место в современной европейской литературе» [40, p. 145] в силу его предвосхищения идей идентичности, империи и литературного отражения образов имперской модели развития.

Комментируя важность обновления концепций и интерпретаций в историческом знании, американский историк Дж. МакФерсон подчеркивает, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной «истины» о событиях прошлого и их значении... Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой... Без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах» [30, p. 1].

Вероятно, именно поэтому наши предшествующие представления об Овидии как преимущественно поэте и жертве произвола Августа нуждаются в пересмотре в направлении формирования его образа как активного участника культурной трансформации Рима 1 века н.э. на уровне идентичности, чей нарратив был не столько поэтическим, сколько политическим.

Историография

Проблема в том, что предположения автора, озвученные выше, практически не коррелируются и не пересекаются с основными трендами и тенденциями, которые определяет векторы и траекто-

рии развития антиковедения в современной российской историографии. Несмотря на то, что ведущие специалисты по империям как историческому и политическому феномену указывают на «необходимость найти новую исследовательскую модель» [6, с. 19], которая позволяла бы анализировать различные империи, включая античные, значительная часть российских антиковедов такие идеи игнорирует. Несколькими годами ранее фактически аналогичная идея была озвучена и Э.В. Саидом, подчеркивавшим, что «мы находимся на этапе нашей работы, когда мы больше не можем игнорировать империи и имперский контекст в наших исследованиях» [39, р. 5].

Вместе с тем все эти интеллектуальные призывы фактически были проигнорированы частью российского исследовательского сообщества антиковедов, которые оказались склонны применять фактически устаревший методологический инструментарий. Иллюстрируя данное предположение, приведем ряд примеров доминирования негативных тенденций в современной российской историографии, сфокусированной на изучении политического и культурного опыта античных обществ. Большинство исследований российских историков, которые в большей или меньшей степени актуализируют проблемы социальных, политических и культурных трансформаций в рамках римского общества методологически относятся к т.н. «нормативной» историографии, ограниченной преемственностью с предшествующими поколениями историков, излишней фактографичностью, которая приближает такие тексты к позитивизму.

Предположение В. Бердинских о том, что «смена поколений автоматически меняет парадигмы научного сообщества» [1, с. 124] к изучению ранней истории имперской модели развития Рима, представляется практически неприменимой. Поэтому в определенной части современных исследований, посвященных имперской трансформации Рима, заметно то, что В. Бердинских описывает как «главный результат засилья старых форм в науке», состоящий в склонности историков «сдвигать разновременные и разнохарактерные явления в одну плоскость» [Там же, с. 40].

В рамках подобных работ [2] доминирует событиецентричность и датоцентричность, что превращает такие тексты в исключительно описательные [8], фактически маргинальные, т.к. они являются по своему узусу (применению) узколокальными и не соотносятся с доминирующими трендами в международном антиковедении, игнорируя их. Поэтому такие тексты в современном российском антиковедении актуализируют качества, определяемые методологами исторической науки, как «схематичность, идеологизм и догматизм» [1, с. 55]. Подобно «абсолютизации классового подхода к историческому источнику», которая, по мнению Л.А. Сидоровой, «приводила к сужению возможностей его трактовки и комментирования» [11, с. 148], столь некритичное отношение к источникам, основанное на их буквалистском понимании и прочтении через призму социально-экономической истории, основанной на канонизации события, характерно и для определенной части исследований современного российского антиковедения.

Что касается части исследований отечественных историков, посвященных имперской трансформации римского общества, то они предпочли проигнорировать «тексты – это не готовые объекты» [37, р. 11], предпочитая видеть в источниках почти исключительно социальный и экономический контент, воспроизводя стереотипы, унаследованные от предшествующей историографической традиции. Несмотря на то, что в современной международной историографии империй Римская империя определяется как «архетипическая для современного исторического воображения» [5, с. 385], попытки ассимиляции зарубежного историографического опыта в российском антиковедении фрагментарны, непоследовательны и не имеют системного характера.

Использование, например, достижений визуального поворота практикуется крайне избирательно [14] и изолировано с игнорированием как предшествующего историографического контекста, так и современных штудий по данному направлению. Поэтому интерпретации в рамках формально визуальных исследований не выходят за рамки нормативной историографии, т.к. авторы игнорируют ре-

сурсы и потенциал деконструктивистского прочтения, ограничивая себя преимущественно формальными культурными или социально-экономическими моделями объяснения. Словно, следуя за предположением Н.В. Трубниковой о том, что «историк не пишет принципиально новых историй, он пытается “перерасказывать” старые, используя новые данные и формируя новые интерпретации» [13, с. 26], современные российские антиковеды, вовлечённые в изучение Римской империи, ее культурных контекстов и идентичностей, два последних процесса предпочитают последовательно игнорировать.

В такой ситуации становится заметной и изолированность от зарубежной историографии, в особенности – от теоретических работ, хотя авторы последних на протяжении почти 20 лет констатируют важность переосмысления имперского опыта на историческом материале. Например, Д. Ливен во второй половине 2000-х гг. указывал на то, что «империя снова оказалась в числе приоритетных тем» [9, с. 283], что верно только для междисциплинарной историографии, но не для того сегмента в российском антиковедении, представители которого продолжают воспроизводить устаревшие, преимущественно социально-экономические, нарративы.

Исследования, формально выполненные в рамках социальной истории [12], фактически с таковой не пересекаются, т.к. социальность утрачивает свои системные характеристики, редуцируясь до попыток подмены социальной динамики перечислением фактов, столь же некритично интерпретируемых, как и в большинстве других случаев. Кроме этого, значительная часть исследований основана на крайне некритическом отношении к источникам. Интерпретации событий античности, фиксируемые в текстах некоторых российских авторов, свидетельствует о том, что для ряда современных историков характерно буквалистское понимание и восприятие текстов античности, что указывает на крайне низкий общий методологический уровень, неспособность не только деконструкции текста, но и его минимальной интерпретации, не основанной на восприятии текста источника как реального отражения имевших место событий.

В наибольшей степени методологические проблемы российского антиковедения проявляются в тех случаях, когда речь заходит об этнической компоненте в истории римского общества [10]. По мнению ряда российских историков, если мы «признаем империю полноправным историческим феноменом», то неизбежно «сталкиваемся с необходимостью передачи специфического имперского опыта на языке сформировавшихся в XX в. современных общественных наук» [5, с. 384], которые у значительной части антиковедов в современной отечественной историографии продолжают оставаться на уровне описательных, преимущественно социально-экономических, нарративов 1970-х гг. В этом контексте практически полностью игнорируется потенциал междисциплинарной историографии, возникшей в рамках имперской истории.

Вместе с тем трансплантация подходов, предложенных для изучения более поздних империй, могла бы оказаться продуктивной и эффективной для анализа категорий «этничность» в силу того, что антиковеды предпочитают игнорировать потенциал деконструкции текста источника, что существенно ограничивает возможные интерпретации, связанные, в том числе, и с фактором этничности, и этнической принадлежности в имперских обществах как традиционных, многосоставных и гетерогенных. Проблемные качества некоторых текстов российского антиковедения, сфокусированных на римской имперской тематике, стали, вероятно, следствием неравномерности развития историографических культур, что проявилось в «несоответствии и напряжении между доступными средствами описания и интерпретации имперского опыта с социально-политическими реалиями» [7, с. 9].

Поэтому, позиционируя представленную статью как ревизионистскую, автор в последующих разделах предпримет попытку деконструкции доминирующего в среде российских историков видения и восприятия наследия Овидия. Последнее может быть определено как чрезмерно традиционное и архаичное. По данной причине российское антиковедение в этом контексте не актуализирует потенциал междисциплинарности. В такой ситуации оно функциони-

рует фактически маргинально, игнорируя тренды, сложившиеся в рамках развития международных штудий античного исторического опыта, связанного с трансформацией идентичностей обществ древности.

«Римские» образы в поздних текстах Овидия

В «Tristia» Овидия мы фиксируем ранние формы трансформации Рима в направлении центра государства имперского типа. Вероятно, именно такие процессы Дж. Бурбанк и Ф. Купер определяют как «предложение культурного контекста» [3, с. 329], который содействовал воспроизводству имперской политической модели. Поэтический дискурс Овидия генерирует образ города чрезмерно привлекательного как для римлян, так и для варваров-чужеземцев, что актуализирует качества имперской столицы. Поэтому Овидий, описывая образ «*magnam peregrinus in urbem*» («великого чужеземца в городе»), призывает его «*aspice Romam*», т.е. «посмотреть на Рим» [34]. В «*Epistulae ex Ponto*» Рим фигурирует как «место памяти», постоянной ностальгической рефлексии, превращаясь в «прекраснейший Рим» [35]. Такой Рим в нарративе Овидия – «*Caesare terra*» [Там же] – актуализирует политический уровень поэтического текста, ставшего пространством конструирования новой идентичности.

Рим в поэтическом дискурсе Овидия предстает как центр гетерогенного, зависимого от него и стремящегося к нему, пространства, ориентирами которого являются Афины и Александрия как города и Азия как подчиненное пространство [34]. Именно в этом контексте актуализируется образ нового или обновленного Рима как центра власти, соотносимой с фигурой Августа, который воспринимался Овидием как «отец страны», т.е. «*patriae pater*» [Там же]. Заслуга Овидия, вероятно, состояла в том, что он сформировал содержательно новое видение власти, которое стало «потенциально нерепрезентативным для реальности» [32]. Поэтому несмотря на то, что отношения Овидия с Августом были омрачены идеологической конфронтацией и ссылкой поэта, именно он стал среди первых форма-

торов нового представления о власти [19] на уровне дискурсивных практик, что сделало возможным ее позитивную мифологизацию в последующих текстах. Актуализация именно такого нарратива и введение в текст подобных конструкций свидетельствует об участии Овидия [32] в формировании нового концепта идентичности политической власти [33, р. 185-186], которая содержала элементы гражданской нации, хотя, вероятно, не идентичность, а преимущественно лояльность гарантировала легитимность конструируемой имперской модели, выстраиваемой вокруг фигуры правителя.

Римские нарративы конструируются через призму политической и пространственной избранности, т.к. «весь мир окружен семью горами, Рим – место империи и бога» («*septem totum circum spicit orbem montibus, imperii Roma deumque locus*» [34]). В подобном восприятии пространства упоминание «*Scythia est, quo mittimur*» («Скифии, куда я выслан» [Там же]) звучит как политический приговор принудительного отчуждения от Рима как центра, как форма социальной и пространственной маргинализации. Таким образом, нарратив Овидия, вероятно, не следует воспринимать, как делалось ранее, через призму только и исключительно истории литературы.

Тексты «*Tristia*» и «*Epistulae ex Ponto*» в этой системе координат мы можем рассматривать как пространство применения политического нарратива при помощи деконструкции идеологического послания Овидия. В пользу возможности и необходимости деконструкции как текстов Овидия, так и их более ранних интерпретаций свидетельствует растущее понимание в современном западном антиковедении того, что «“классический мир” далеко не является фиксированной точкой отсчета, а является проекцией и конструкцией, постоянно меняющаяся во времени» [20]. Поэтому деконструкция в контексте ее применения к текстам римского поэта представляет собой «не демонтаж структуры текста, но демонстрацию того, что он уже сам себя демонтировал... почва текста, кажущуюся твердой, не скала, а разреженный воздух» [24, р. 31].

В такой системе координат ссылка воспринимается как политическое наказание, вынужденное пребывание на периферии мира –

в Сарматии, в городе Томы [34]. В такой ситуации Овидий сетует, что ему «erat in fatis Scythiam quoque uisere nostris» («суждено было побывать и в Скифии» [Там же]). Поэтому образ «Pontica terra» («Понтийской земли») [Там же], локализуемой в воображаемой культурной географии в регионе «гетских и сарматских заливов» («Geticos Sarmaticosque sinus» [Там же]) конструируется как топос пространственного противостояния Рима как цивилизации и пока не различаемой, не типологизируемой и не классифицируемой дикости и варварства.

Такое восприятие генетически вытекало из предшествующей литературной истории Рима в силу того, что «отношение античного поэта к слову было традиционалистическим, преемническим, продолжательским. Он был человеком одной культуры – Гомера, Софокла, Энния, Каллимаха, Вергилия; никакие другие культуры для него не существовали ни параллельно, ни контрастно, ни как соседние, ни как экзотические. Он опираться только на предков, создавать новое на основе старого» [4, с. 203]. В рамках такого восприятия дискурс Овидия – политический и поэтический – был в значительной степени ограничен и отягощен предписаниями римской этничности и связанной с ней культурной традиции.

Фактически же дискурс, фиксируемый в поздних текстах поэта, оказался более широким, хотя эта широта не выходила за пределы этнографических констатаций существования языковой и культурной Инаковости. Именно это расширение текста за границы традиционной текстуализации в направлении идеологизации нарративов и позволяет исследователям Овидия констатировать в его наследии тенденции «политической реконтекстуализации традиционного элегического дискурса» [28]. В «Epistulae ex Ponto» актуализируется параллель Рим / не-Рим, представленная вопрошанием героя «Quid melius Roma?» («Что есть Рима милей?») и «Scythico quid frigore peius?» («Что страшнее скифских морозов?») [35]. Окраина римского политического мира, населенная варварами, в поэтическом нарративе Овидия конструируется как географическая противоположность Италии. Вероятно, подобная наррация представляет

собой одно из ранних проявлений «склонности западной культуры выражать свои мысли в категориях бинарных оппозиций» [29], которые в текстах Овидия представлены парами «варвары» / «римляне» и «Рим» / «варварство».

Подобная дихотомия имела, скорее всего, культурные и политические, но не этнические основания, так как, по мнению Э. Грюэна, «античные авторы не знали слова для обозначения такого явления как “этничность”» [22, p. 1]. В этом контексте Чуждость, Другость и Инаковость варваров усугубляется и усиливается особенностями пространства: «Ты не чувствуешь весну в венке цветов, не видишь обнаженных тел жнецов, и осень не протягивает тебе виноградные лозы. Воды скованы льдом, и рыба в глубинах плавает словно под крышей» [35]. Если окраинные пространства римского мира ассоциируются почти исключительно с географическим неудобством, то образ Рима служит для актуализации концептов власти: «*At tibi, rex aevo, detur, fortissime nostro, semper honorata scepra tenere manu*» («Но тебе, царь веков, да будет дано тебе, нашему сильнейшему, держать в руке всегда чтимый скипетр» [Там же]).

В такой ситуации пространственного выбора предпочтения героя оказываются на стороне столицы, хотя «*Epistulae ex Ponto*» несут свидетельства вынужденной ассимиляции автора, признающего, что «*Nil fore dulce mihi Scythica regione putavi: iam minus hic odium est quam fuit ante locus*» («Я думал, что ничто мне не будет сладко в Скифском крае: ненависти здесь теперь меньше, чем было раньше» [Там же]). В этом контексте уместно замечание американского философа Р. Рорти, который подчёркивал, что «слова имеют значение только благодаря эффекту контраста с другими словами» [37]. Нарратив Овидия актуализирует именно такие множественные противопоставления, основанные на проведении параллелей и сопоставлении «римского» и «неримского». В рамках такого видения пространства, воспринимаемого одновременно как географическое и политическое, Тома идентифицируются как граница, предел известного мира, за которым начинается земля, обитатели которой идентифицируются как «бастарны» и «савроматы» [34].

Это противостояние в поэтическом воображении Овидия, которое актуализирует политические качества, становится пространственным и географическим противостоянием, в рамках которого Италия и Рим оказываются справа, а место ссылки поэта интерпретируется в такой системе координат как антипространство в отношении столицы. Антипространственная компонента Том в текстах Овидия актуализируется через призму противопоставлений двух географий – Рима и гетской окраины, где «*orbis in extremi iaseo desertus harenis, fert ubi perpetuas obruta terra nives*» («мир лежит в конце песчаной пустыни, где земля покрыта вечными снегами» [Там же]). В целом, такие нарративы содействовали легитимации империи в политическом воображении, стимулируя трансформации социальных идентичностей различных групп римского общества.

Если в историографии, как правило, указывается на то, что проблемы формирования и развития римской идентичности были отягощены отношениями между Римом и италиками [36], то Овидий существенно расширил восприятие подобного идентичностного конфликта до качественно иного уровня, на котором сталкивалась формирующаяся имперская модель воображения мира и пространства и пока не осознанная в полной мере римскими авторами варварская альтернатива. Столкновение с варварским миром как альтернативной формой политического и культурного развития, не основанного на концепте «гражданство» в случае с Овидием, актуализировало и визуализировало сам концепт «римлянин» как на структурном, так и на таксономическом уровне.

«Варвары» и «варварское» в поздних текстах Овидия

Поздние тексты Овидия раскрывают его видение римской идентичности через воспроизведение варварских образов. Английский историк Г. Хэлсолл под структурным уровнем понимает «использование терминов “римлянин” и “варвар” для обозначения важного организационного и культурного различия между цивилизацией и дикостью». В свою очередь таксономический уровень включает восприятие мира как «разделенного на территории разных наро-

дов» [23], в том числе и варваров, ставших коллективными героями нарратива Овидия в изгнании. Вероятно, именно поэтому Овидий особо подчеркивал географическую и пространственную чуждость варварской периферии Риму – «Non ager hic pomum, non dulces educat uvas, non salices tīpa, robora monte virent. Quocumque aspicias, campī cultore carentes vastaque quae nemo vindicat arva iacent» («Это поле не плодоносит яблоками, на нем не растет сладкий виноград, не растут ивы по берегам, высятся только крепкие горы. Куда ни глянь, поля лежат невозделанные и пустоши, никем не востребованы» [35]) – формируя, тем самым, не только пространственную иерархию, но и конструируя концепты римской Самости, которым противостоит варварская Инаковость. Обращение именно к таким нарративам в текстах Овидия может превратиться в один из «способов приблизиться к демистификации империи, взглянув ревизионистски на ту роль, которую играли литературные тексты» [31, р. 179] как в формировании, так и функционировании имперской модели развития.

Концепт собственной, культурной, идентичности в античном мире «решительно утверждался только тогда, когда она оспаривалась или находилась под угрозой» [27], что и произошло с Овидием носителем не только римской политической, но и культурной идентичности, который оказался в изгнании в пространстве, где варвары были доминирующим большинством. Попытки Овидия конструировать варварские нарративы в целом вписываются в логику развития имперской модели политического воображения, основанного на «неравенстве и неравномерности субъектов» [3, с. 336] внутри общества имперского типа. Поэтому Овидий, вынужденно оказавшийся на «гетских берегах» [35], обрекает себя как основного героя собственных текстов оставаться римлянином среди варваров: «среди сарматов римская тень будет блуждать, оставаясь гостем диких манов» («inter Sarmaticas Romana uagabitur umbras, perque feros Manes hospita semper erit» [34]).

Кроме этого, утверждая, что «Scythicus cetera Pontus habet» («Скифский Понт всем остальным завладел» [Там же]), Овидий

фактически позиционирует себя как пленника варварской окраины, где он, «римский поэт», вынужден «говорить по-сарматски» [Там же], хотя под «сарматским» языком, вероятно, подразумевается гетский, что указывает на распространенность в Риме билингвизма [16]. В подобном контексте этническое разнообразие не только носит вынужденный и временный характер, но и «социально артикулируется и поддерживается» [15, с. 49], что проявлялось не только в культурных и языковых, но и других социально и экономически детерминированных расхождения в идентичности Овидия и его «варварских» соседей. В этой ситуации не представляется возможным исключать, что римская модель последнего предусматривала не только освоение латыни «варварскими» обитателями провинции, но и местных языков носителями латыни.

Вместе с тем масштабы последнего явлениями были менее значимы, чем растущее использование латыни, что достигалось в результате романизации. Все эти многочисленные географические и этнографические подробности в нарративе Овидия призваны подчеркнуть отличия Рима и подвластной ему периферии. Поэтому герой – альтер эго автора – констатирует: «Как это место, увы, с гетской несхоже землей!» [35]. В такой ситуации Овидий противопоставляет себя как римского поэта варварским гетам, к которым в Томах была вынуждено адресована его поэзия: «Почему я должен беспокоиться о чистоте своих песен? Должен ли я бояться, что не понравятся они гетам?» («Cur ego sollicita poliam mea carmina cura? An verear ne non adprobet illa Getes?») [Там же]).

Поэтому его системными характеристиками становятся странственные особенности, актуализирующие именно Чуждость, Другость и Инаковость, – «скалы, Понт, который на левом берегу, и дикие скифские и сарматские хребты» («scopulis, Ponti quos haec habet ora sinistri, inque feris Scythiae Sarmaticisque iugis» [34]) или «преодоленные Босфор и Танаис, едва достигли скифских болот, и известны немногие названия мест» («Bosporos et Tanais superant Scythiaeque paludes uix satis et noti nomina pauca loci ulterius nihil est nisi non habitabile frigus» [Там же]). Восприятие Овидием периферий-

ных Том и варваров, живших в них или в их окрестностях, не отличалось для римской культурной традицией особой уникальностью.

Американская исследовательница К.И. Арно подчеркивает, что «в силу многовекового взаимодействия и из-за их географической близости отношения Рима с народами Италии отличались от его отношений с неиталиками <...> римлянство имело отчетливое значение для тех римлян, которые оказались в провинция <...> эти римляне столкнулись с трудностями сохранения своей идентичности без легкого доступа к римской гражданской жизни; другими словами, они столкнулись с вопросом о том, что значит быть римлянином в окружении и взаимодействии с неримлянами» [18, р. 173]. Овидий мог испытывать подобные трудности, оказавшись среди гетов, хотя местная этничности вряд ли могла конкурировать с его римской идентичностью.

Фиксация варварских образов в многочисленных пространственно-географических контекстах в нарративах позднего Овидия иллюстрирует восприятие варваров в видении римского интеллектуала, частично предвосхищая предположение Э. Саида о том, что «подобно тому, как никто из нас не находится вне или вне географии, никто из нас не свободен полностью от борьбы за географию. Эта борьба сложна и интересна, потому что речь идет об идеях, о формах, об образах и воображении» [37, р. 5], созданием чего фактически и занимался Овидий в Томах, фиксируя, конструируя и воображая варварские образы, что не только легитимировало их пребывание в более широких римских контекстах, но и оправдывало их второстепенное и подчиненное положение в формирующейся культурной имперской иерархии.

При этом для нарратива Овидия характерно противопоставление «римского» героя такому «варварскому» пространству, что вынуждает его выражать страх, что «сарматская земля» [34] покроет его кости, что не гарантировало его забвения, т.к. римская политическая культура имела развитую традицию не только сохранения памяти о покойных, но и актуализации их идентичности [27]. В этом контексте поздняя поэзия Овидия усиливает свои качества в

контекстах политической структуры. В понимании структуры автор следует за немецким историком Г. Фридрихом, который понимал под последней «общую формальную характеристику группы многочисленных лирических произведений, созданных без всяких взаимовлияний, но связанных общими уникальными особенностями столь глубоко, что случайные совпадения исключены» [21, р. 6].

Трансплантируя это допущение немецкого автора к нарративам Овидия, во внимание следует принимать, что в случае последнего мы имеем дело не с «многочисленными лирическими произведениями», но политическими образами, возникшими именно без «всяких взаимовлияний», т.к. Овидий сам стал участником процесса формирования ранней имперской идентичности, и в этом контексте более логичным представляется констатировать его влияние на последующих авторов, которые уже четко соотносили категории «римскость» и «варварство» как элементы политической идентичности. Актуализация такой фобии в поэтическом нарративе Овидия, который актуализировал качества политического текста, имела в большей степени идеологическое значение, т.к. соотносилось с опасениями возможного усиления варваров.

Аналогичную функцию выполняет и упоминание Италии, по которой герой ностальгирует: «Италия, мне запретная, видна вдалеке, по левую сторону от иллирийцев» («*procul Ilyriis laeua de parte relictis interdicta mihi cernitur Italia*» [34]). Противопоставление Иллирии и Италии как варварства и цивилизации указывает на формирование культурной иерархии политического пространства Римской государственности в конце 1 в. до н.э. – в 1 в. н.э. В качестве территориальной характеристики Иллирии фигурирует «скифский Истр» [Там же], «сеструйный Истр», или «варварский Истр» [35], населенный именно варварами, представленными «ордами языгов, колхов и гетов» [34] и воспринимаемыми в качестве естественного антипода римлян, которым, по мысли Овидия, следовало покориться Риму [Там же].

Аналогичные группы фигурируют и в «*Epistulae ex Ponto*», где геты, языги и савроматы [35] названы обитателями окрестностей Том. В другом контексте к ним добавляются и одрисы, но и только

для того, чтобы быть упомянутыми по причине их конфликта с гетами [Там же]. Эта контрастность в нарративе Овидия обретает и географическое, пространственное и климатическое измерение. Более того, все особенности этих групп для Овидия размываются, т.к. поэт предпочитал воспринимать свое этническое окружение через призму приписываемого обитателям Том варварства. Именно поэтому Овидий вопрошал одного из адресатов своих посланий «*An mihi barbaria vivendum semper in ista*» («должен ли я вечно пребывать среди этих варваров?») [Там же]. Поэтому образ Том, где Овидий оказался в ссылке, формируется как противопоставление Риму.

В такой ситуации среда Том наделяется характеристиками враждебности. «Гетское» пространство «ни листом, ни деревом не укрыто, и только ленивая зима продолжает зиму» [Там же]. В качестве аналогичной неримской оппозиции фигурируют образы Паннонии, Иллирии, Ретики, Фракии и Германии [34], которые в формируемой культурной иерархии вынуждены выступать в подчиненном качестве в отношении Рима: «и ты, мятежная Германия, положила свою великую печальную голову к ногам своего вождя» («*teque, rebellatrix, Germania, magni triste caput pedibus supposuisse ducis*») [34]. Усилиями Овидия в «*Epistulae ex Ponto*» формировалась этнографически маркированная мозаика нового политического и культурного пространства, в рамках которого соседствовали «египетский систр» и «фригийская флейта» [35], что не придавало, правда, сообществам, которым эти музыкальные инструменты принадлежали, культурной самостоятельности, содействуя их интеграции в более широкие римские контексты.

В рамках такой культурной конфронтации образу Рима противостоит «варварская родина, которая находится слева и привыкла к грабежу, более кровавому и кровожадному, чем войны» («*barbara pars laeva est auidaeque adsueta rapinae, quam cruor et caedes bellaque semper habent*») [34]. Поэтому насилие, ассоциируемое с «сарматскими стрелами» («*Sarmaticas sagittas*») [35]), воспринимается как характеристика окраинного римского политического пространства. Вместе с тем и такая периферия в поэтическом дискурсе Овидия актуализирует элементы культуры, представленные «греческими

городами в окружении варварских племен» («Graiae urbes inter inhumanae nomina barbariae» [34]), что, вероятно, позволяет римскому поэту признать место ссылки «своим» [Там же].

Выводы

В поздней поэзии Овидия при помощи концепции воображения сообществ мы можем рассматривать функционирование варварских образов, которые появляются и актуализируются, становясь заметными и многочисленными в «*Epistulae ex Ponto*». Таким образом, поздняя поэзия Овидия фиксировала два уровня формирования и функционирования имперской идентичности. С одной стороны, в текстах поэта фиксируется важность и значение концептов Самости, которые оказывали непосредственное влияние на восприятие римской идентичности и самопозиционирование Рима в мире в качестве империи. С другой стороны, Овидий в своих поздних текстах актуализировал потенциал формирования и использование концептов Другости и Инаковости. Последние были представлены относительно многочисленными варварскими образами и нарративами преимущественно в «*Epistulae ex Ponto*».

Используя эти концепты, мы можем воспринимать тексты Овидия как нарративы, направленные на формирование позитивной идентичности Рима как воображаемого сообщества и противопоставлением ему варваров, чьи образы конструировались и воспроизводились фактически как изобретение традиций. В рамках такой деконструкции политических смыслов текстов позднего Овидия и Рим, и варвары могут быть описаны как софункционирование изобретенных традиций, в основе параллельного сосуществования которых лежит противопоставление цивилизации и варварства. Поэтому тексты Овидия, написанные им в ссылке, фиксируют дихотомию, основанную на противопоставлении имперского римского начала как правильного и прогрессивного, противостоящего примитивному, дикому, варварскому миру, который следовало покорить и интегрировать в политическое и культурное тело Империи путем ассимиляции варваров в имперские контексты.

Последняя нарративная стратегия естественного расширения Империи вовсе не исключала признания положительных качеств варваров, но «варварские» благодетели в формирующейся имперской идентичности лежали вовсе не в их политических способностях, но в большей степени в естественности, близости к природе и неиспорченности. Проецирование именно таких характеристик на варварский мир наделяла его качествами детскости, что в политическом воображении I в. н.э. служило форой легитимации внешней агрессии. Поэтому в текстах Овидия мы не находим относительно оригинальных образов варваров, которые фиксировали бы проявления другой культуры и отличной от римской этничности, хотя сам Овидий, как известно, признавался в том, что освоил гетский язык и пробовал на нем писать, хотя такие тексты не сохранились.

Таким образом, формирование варварских нарративов, их функционирования и опыты римского поэта Овидия с варварским гетским языком мы можем воспринимать в контексте традиционных для более поздних империй этнографических упражнений интеллектуалов, относящихся к формально доминирующему политическому большинству. В этом контексте поздние тексты Овидия фиксируют и актуализируют процессы, связанные с культурные трансформации и изменениями на уровне идентичности. Софункционирование римских и варварских образов в «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» содействовало легитимации новой модели развития, основанной на разнообразных культурных практиках интеллектуалов Рима. Последние при помощи изобретения традиций и воображения сообществ наделяли формирующийся политический проект, основанный на однозначной идеализации Рима и интеграции в римские контексты неримских варварских периферийных образов, новыми качествами, которые позволяют воспринимать сложившуюся ко второму веку идентичность как имперскую.

Список литературы

1. Бердинских В. Ремесло историка в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 608 с.

2. Боровков П.С. Конфликты между верховными понтификами и фламинами в Римской республике III – II вв. до н.э. // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2008. Вып. 38. С. 5-20.
3. Бурбанк Дж., Купер Фр. Траектории империи // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 324-361.
4. Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // *Публий Овидий Назон, Скорбные элегии. Письма с Понта* / ред. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М.: Наука, 1982. С. 189-224.
5. Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 383-418.
6. Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империй // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 7-26.
7. Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. Возможен ли конструктивистский подход к истории империи? // *Изобретение империи: языки и практики* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. С. 7-9.
8. Зайцева Е.С. Социальная мобильность в среде римской сенаторской аристократии (эпоха Диоклетиана и Константина I) // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2022. Т. 50. С. 29-47.
9. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма* / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 283-324.
10. Мехмадиев Е.А. Западноримская экспедиционная армия в 395 – 398 гг. в поэме Клавдия Клавдиана «De bello Gildonico»: проблемы этнического состава // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2022. Т. 50. С. 48-63.

11. Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.
12. Токарев А.Н. Несколько замечаний о характере политических группировок в Риме в эпоху Поздней республики // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2008. Вып. 38. С. 21-39.
13. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2020. 336 с.
14. Чисталев М.С. Визуализация образа Нила: культурно-географическая среда Нильских сцен эпохи Юлиев-Клавдиев // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2022. Т. 50. С. 10-28.
15. Эйджейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / ред. Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006. С. 49-71.
16. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 836 p.
17. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983, 256 p.
18. Arno C.I. *How Romans Became “Roman”*: Creating Identity in an Expanding World. Ann Arbor: The University of Michigan, 2012, 267 p.
19. Barchiesi A. *The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1997, 292 p.
20. Carlà-Uhink F. *Graeco-Roman Antiquity and the Idea of Nationalism in the 19th Century: Case Studies* // *Bryn Mawr Classical Review*, 2017, April 22. URL.: <https://bmcr.brynmawr.edu/2017/2017.04.22/> (дата обращения: 02.04.2023)
21. Friedrich H. *Die Struktur der Modernen Lyrik. Von der Mitte des 19. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*. Hamburg: Rewolt Verlag GmbH, 1996, 336 S.
22. Gruen E. *Did Ancient identity depend on ethnicity? A preliminary probe* // *Phoenix*, 2013, vol. 67, no. 1/2. URL.: <https://www.semanticscholar.org/paper/did-ancient-identity-depend-on-ethnicity-a-probe-Gruen/8b58dc17e07a88e3ee41ec9bc70727c69e6f0ed8> (дата обращения: 02.04.2023)

23. Halsall G. Transformations of Romanness // *Historian on the Edge. The Historical, Philosophical and Political Musings of an Autistic Historian*, 2013, October 27. URL.: <https://600transformer.blogspot.com/2013/10/transformations-of-romanness.html> (дата обращения: 02.04.2023)
24. Hillis Miller J. Stevens' rock and criticism as cure // *The Georgia Review*, 1976, vol. 30, no. 2, pp. 5-31.
25. Hope V.M. Constructing Roman identity: Funerary monuments and social structure in the Roman world // *Mortality. Promoting the interdisciplinary study of death and dying*, 1997, vol. 2, no. 2, pp. 103-121.
26. Kozaczka E.J. Penelope Aubin and Narratives of Empire // *Eighteenth-Century Fiction*, 2012, vol. 25, no. 1, pp. 199-225. DOI: <https://doi.org/10.3138/ecf.25.1.199> (дата обращения: 02.04.2023)
27. Lane Fox R. Did nationalism exist in the classical world? // *Engelsberg Ideas*, 2020, August 4. URL.: <https://engelsbergideas.com/essays/did-nationalism-exist-in-the-classical-world/> (дата обращения: 02.04.2023)
28. Lowrie M. Review of *Speaking Volumes: Narrative and intertext in Ovid and other Latin poets*. Edited and translated by Matt Fox and Simone Marchesi // *Bryn Mawr Classical Review*, 2002, no. 6. URL.: <https://bmcr.brynmawr.edu/2002/2002.06.38/> (дата обращения: 02.04.2023)
29. Mambrol N. Deconstruction // *Literary Theory and Criticism*, 2016, March 22. URL.: <https://literariness.org/2016/03/22/deconstruction/> (дата обращения: 02.04.2023)
30. McPherson J. Revisionist Historians // *Perspectives on History*, 2003, vol. 41, no. 6, pp. 1.
31. Nünning V. Fictions of Empire and the (Un-)Making of Imperialist Mentalities: Colonial Discourse and Post-Colonial Criticism Revisited // *Forum for World Literature Studies*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 171-198.
32. Pandey N.B. *Empire of the imagination: the power of public fictions in Ovid's 'reader response' to Augustan Rome*. Berkeley: University of California, 2011, 217 p.
33. Pandey N.B. *The Poetics of Power in Augustan Rome. Latin Poetic Responses to Early Imperial Iconography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 202 p.
34. Publius Ovidius Nasō, *Tristia*. Berlin: B.G. Teubner, 1998, 298 p. URL.: <https://la.wikisource.org/wiki/Tristia> (дата обращения: 02.04.2023)

35. Publius Ovidius Nasō, *Epistulae ex Ponto*. L.: Create Space Independent Publishing Platform, 2014, 88 p. URL.: https://la.wikisource.org/wiki/Epistulae_ex_Ponto (дата обращения: 02.04.2023)
36. Roberts T. *The Roman Nation: Rethinking Ancient Nationalism*. Kingston: University of Rhode Island, 2014, 212 p.
37. Rorty R. *Deconstructionist Theory // The Cambridge History of Literary Criticism. From Formalism to Poststructuralism*, 1995, vol. 8. Cambridge: Cambridge University Press. URL.: <http://mural.uv.es/riesra/deconstruction.html> (дата обращения: 02.04.2023)
38. Said E.W. *Culture and Imperialism*. L.: Chatto and Windus, 1993, 380 p.
39. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 330 p.
40. Ziolkowski Th. *Ovid and the Moderns*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, 288 p.

References

1. Berdinskikh V. *Remeslo istorika v Rossii* [The craft of a historian in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, 608 p.
2. Borovkov P.S. *Konflikty mezhdu verkhovnymi pontifikami i flaminami v Rimskoi respublike III – II vv. do n.e.* [Conflicts between the supreme pontiffs and flamens in the Roman Republic of the III-II centuries BC.]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2008, vol. 38, pp. 5-20.
3. Burbank J., Cooper Fr. *Traektorii imperii* [Empire trajectories]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of the Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 324-361.
4. Gasparov M.L. *Ovidiy v izgnanii* [Ovid in Exile]. *Publius Ovid Nason. Skorbnnyye elegii. Pis'ma s Ponta* [Publius Ovid Nason. Sorrowful Elegies. Letters from Pontus]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 189-224.
5. Gerasimov I., Glebov S., Kusber J., Mogil'ner M., Semenov A. *Novaya imperskaya istoriya i vyzovy imperii* [New imperial history and challenges of empire]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of the Empire and Nationalism]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 383-418.

6. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A. V poiskah yasnosti v istoricheskoi prirode natsionalizma i imperiy [In search of clarity in the historical nature of nationalism and empires]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of the Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 7-26.
7. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A. Vozmozhn li konstruktivistskii podhod k istorii imperii? [Is a constructivist approach to the history of the empire possible?]. *Izobreteniye imperii: yazyki i praktiki* [Invention of the Empire: Languages and Practices]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 7-9.
8. Zaytseva E.S. Sotsial'naya mobil'nost' v srede rimskoi senatorskoi aristokratii (epokha Diokletiana i Konstantina I) [Social mobility among the Roman senatorial aristocracy (the era of Diocletian and Constantine I)]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2022, vol. 50, pp. 29-47.
9. Liven D. Imperiya, istoriya i sovremennyyi mirovoi poryadok [Empire, history and modern world order]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and delusions in the study of empire and nationalism]. Мшцысщц: Novoye izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 283-324.
10. Mekhamadiyev E.A. Zapadnorimskaya ekspeditsionnaya armiya v 395 – 398 gg. v poeme Klavdiya Klavdiana «De bello Gildonico»: problemy etnicheskogo sostava [Western Roman Expeditionary Army in 395-398 in the poem of Claudius Claudian *De bello Gildonico*: problems of ethnic structure]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2022, vol. 50, pp. 48-63.
11. Sidorova L.A. *Sovetskiye istoriki: dukhovnyy i nauchnyi oblik* [Soviet historians: spiritual and scientific appearance]. Moscow – St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017, 248 p.
12. Tokarev A.N. Neskol'ko zamechaniy o kharaktere politicheskikh gruppirovok v Rime v epokhu Pozdney respubliky [A few remarks on the nature of political groupings in Rome in the era of the Late Republic]. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2008, vol. 38, pp. 21-39.
13. Trubnikova N.V. *Frantsuzskaya istoricheskaya shkola «Annalov»* [French historical “Annals” school]. Moscow: Kvadriga Publ., 2020, 336 p.

14. Chistalev M.C. Vizualizatsiya obraza Nila: kul'turno-geograficheskaya sreda Nil'skih stsen epohi Yuliev-Klavdiev [Visualization of the image of the Nile: the cultural and geographical environment of the Nile scenes of the Julio-Claudian era]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2022, vol. 50, pp. 10-28.
15. Eidheim H. Kogda etnicheskaya identichnost' stanovitsya sotsial'nym stigmatom? [When does ethnic identity become a social stigma?]. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Social Boundaries. Social Organization of Cultural Differences]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 49-71.
16. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 836 p.
17. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso, 1983, 256 p.
18. Arno C.I. *How Romans Became "Roman": Creating Identity in an Expanding World*. Ann Arbor: The University of Michigan, 2012, 267 p.
19. Barchiesi A. *The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1997, 292 p.
20. Carlà-Uhink F. Graeco-Roman Antiquity and the Idea of Nationalism in the 19th Century: Case Studies. *Bryn Mawr Classical Review*, 2017, April 22. URL.: <https://bmc.brynmawr.edu/2017/2017.04.22/> (accessed April 02, 2023)
21. Friedrich H. *Die Struktur der Modernen Lyrik. Von der Mitte des 19. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*. Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1996, 336 S.
22. Gruen E. Did Ancient identity depend on ethnicity? A preliminary probe. *Phoenix*. 2013, vol. 67, no. 1/2. URL.: <https://www.semanticscholar.org/paper/did-ancient-identity-depend-on-ethnicity-a-probe-Gruen/8b58dc17e07a88e3ee41ec9bc70727c69e6f0ed8> (accessed April 02, 2023)
23. Halsall G. Transformations of Romanness. *Historian on the Edge. The Historical, Philosophical and Political Musings of an Autistic Historian*, 2013, October 27. URL.: <https://600transformer.blogspot.com/2013/10/transformations-of-romanness.html> (accessed April 02, 2023)
24. Hillis Miller J. Stevens' rock and criticism as cure. *The Georgia Review*, 1976, vol. 30, no. 2, pp. 5-31.

25. Hope V.M. Constructing Roman identity: Funerary monuments and social structure in the Roman world. *Mortality. Promoting the interdisciplinary study of death and dying*. 1997, vol. 2, no. 2, pp. 103-121.
26. Kozaczka E.J. Penelope Aubin and Narratives of Empire. *Eighteenth-Century Fiction*, 2012, vol. 25, no. 1, pp. 199-225. DOI: <https://doi.org/10.3138/ecf.25.1.199>
27. Lane Fox R. Did nationalism exist in the classical world? *Engelsberg Ideas*. 2020. August 4. URL.: <https://engelsbergideas.com/essays/did-nationalism-exist-in-the-classical-world/> (accessed April 02, 2023)
28. Lowrie M. Review of Speaking Volumes: Narrative and intertext in Ovid and other Latin poets. Edited and translated by Matt Fox and Simone Marchesi. *Bryn Mawr Classical Review*, 2002, no. 6. URL.: <https://bmcr.brynmawr.edu/2002/2002.06.38/> (accessed April 02, 2023)
29. Mambrol N. Deconstruction. *Literary Theory and Criticism*, 2016, March 22. URL.: <https://literariness.org/2016/03/22/deconstruction/> (accessed April 02, 2023)
30. McPherson J. Revisionist Historians. *Perspectives on History*, 2003, vol. 41, no. 6, pp. 1.
31. Nünning V. Fictions of Empire and the (Un-)Making of Imperialist Mentalities: Colonial Discourse and Post-Colonial Criticism Revisited. *Forum for World Literature Studies*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 171-198.
32. Pandey N.B. *Empire of the imagination: the power of public fictions in Ovid's 'reader response' to Augustan Rome*. Berkeley: University of California, 2011, 217 p.
33. Pandey N.B. *The Poetics of Power in Augustan Rome. Latin Poetic Responses to Early Imperial Iconography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 302 p.
34. Publius Ovidius Nasō. *Tristia*. Berlin: B.G. Teubner, 1998, 298 p. URL.: <https://la.wikisource.org/wiki/Tristia> (accessed April 02, 2023)
35. Publius Ovidius Nasō. *Epistulae ex Ponto*. L.: Create Space Independent Publishing Platform, 2014, 88 p. URL.: https://la.wikisource.org/wiki/Epistulae_ex_Ponto (accessed April 02, 2023)
36. Roberts T. *The Roman Nation: Rethinking Ancient Nationalism*. Kingston: University of Rhode Island, 2014, 212 p.

37. Rorty R. Deconstructionist Theory. *The Cambridge History of Literary Criticism. From Formalism to Poststructuralism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, vol. 8. URL.: <http://mural.uv.es/riesra/deconstruction.html> (accessed April 02, 2023)
38. Said E.W. *Culture and Imperialism*. L.: Chatto and Windus, 1993, 380 p.
39. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 330 p.
40. Ziolkowski Th. *Ovid and the Moderns*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, 288 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация*

maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty

Voronezh State University

16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation

maksymkyrchanoff@gmail.com

SPIN-code: 6547-1027

ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 26.04.2023

После рецензирования 08.05.2023

Принята 11.05.2023

Received 26.04.2023

Revised 08.05.2023

Accepted 11.05.2023